

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Общее понимание основных прав в практике Европейского суда по правам человека. К 50-летию юбилею Суда

*Рывкин К.А.**

Анализ решений Европейского суда по правам человека показывает устойчивые подходы к пониманию сущности прав, закрепленных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, его стремление претворить в жизнь заложенную в этом документе идею свободного демократического общества, в котором каждый может эффективно пользоваться всеми гарантированными ему правами. Суд неоднократно обращал внимание на то, что государства – участники Конвенции должны обеспечить справедливый баланс индивидуальных интересов и публичного интереса в поддержании демократии. В этих целях они могут при определенных условиях принимать меры, представляющие собой вмешательство в охраняемые Конвенцией интересы. Исследование практики Европейского суда позволяет выявить функции положений Конвенции в национальных правовых системах и характер порождаемых этими положениями обязанностей государства и субъективных прав частных лиц.

Ключевые слова: основные права; Европейский суд по правам человека; Конвенция о защите прав человека и основных свобод; демократия; баланс интересов.

В соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) в Европе создан механизм, обеспечивающий

* Рывкин Кирилл Альбертович – соискатель кафедры конституционного права МГИМО (У) МИД России, президент юридической фирмы «ЮЛЕКС». k_ryvkin@mail.ru.

выполнение государствами-участниками своих международных обязательств в области защиты основных прав. Особенность этого механизма состоит в том, что носители основных прав получили возможность самостоятельно инициировать международную процедуру проверки правомерности действий государства, предположительно нарушившего их права. С этого момента в теории не осталось сомнений в том, что основные права являются субъективными правами или по крайней мере порождают субъективные права.

Оценка правомерности поведения государства с точки зрения гарантированных Конвенцией прав осуществляется Европейским судом по правам человека (далее – Суд). Ситуации, становящиеся предметом рассмотрения Суда, как правило, неоднозначны. Для их правовой оценки Суду требуется не только толковать отдельные положения Конвенции, но и выявить ее общие начала, развить заложенную в этом документе концепцию основных прав¹.

В результате полувековой деятельности Суда было принято свыше 10 000 решений², анализ которых позволяет выявить устойчивые подходы Суда к пониманию сущности, структуры и функций основных прав, их взаимодействия друг с другом и с правовой системой. Исследуя практику Суда, необходимо учитывать природу этого органа и принципы его деятельности.

Во-первых, Суд рассматривает только жалобы на конкретные предполагаемые нарушения конвенционных прав³, и только из его решений о наличии или отсутствии нарушения конвенционного права можно вывести общетеоретические подходы.

Во-вторых, Суд – это международный орган, который вынужден считаться с различием правовых систем европейских стран. Мы не можем автоматически распространять оценки, данные Судом поведению

¹ Согласно ст. 32 Конвенции, в ведении Суда находятся все вопросы толкования и применения Конвенции, которые могут быть ему переданы в соответствии со статьями 33, 34 и 47. В соответствии с п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2003 № 5, применение Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского суда по правам человека во избежание любых ее нарушений (БВС 12 2003).

² См.: The European Court of Human Rights. Some Facts and Figures. 1959–2009. Strasbourg, 2009.

³ Так, в решении по делу «Гитонас (Gitonas) и др. против Греции» 01.07.1997 и в решении по делу «Брике против Латвии» от 29.07.2000 Суд напоминает, что он не наделен компетенцией абстрактного нормоконтроля [при рассмотрении индивидуальных жалоб].

одного государства в ответ на поведение другого государства. Кроме того, Суд обладает ограниченной возможностью (по сравнению с национальными властями) в оценке существующей в ответственном государстве ситуации и вынужден оказывать национальным властям определенное доверие, главным образом в вопросе о наличии необходимости вмешательства в основные права⁴.

В-третьих, перечень прав, закрепленных в Конвенции, ограничен и исторически обусловлен. Суд насколько возможно широко понимает конвенционные положения, толкует Конвенцию применительно к современным реалиям, чтобы обеспечить эффективность конвенционных гарантий⁵.

Наконец, в-четвертых, сфера регулятивного воздействия положений Конвенции значительно шире сферы компетенции Суда. Суд может сделать вывод о нарушении основного права только при нарушении только государством (а не третьим лицом) вытекающих из Конвенции обязанностей. При этом он должен руководствоваться выводимыми из Конвенции критериями правомерности отступления от этих обязанностей. Кроме того, для признания заявителя, направившего индивидуальную жалобу, жертвой нарушения его прав Суду необходимо установить нарушение интересов заявителя⁶. Однако понимание основных прав, выработанное Судом, значительно шире, и на национальном уровне эти права также могут пониматься отвлеченно от обязанностей государства и интересов конкретных носителей права.

Красной нитью через всю Конвенцию проходит идея свободного демократического общества. Поэтому понятие демократии легло в основу подхода Суда к пониманию конвенционных прав. Демократическим в понимании Суда является такое общество, в котором *каждый* может

⁴ См. среди многих других: решение по делу «Шассанью (Chassagnou) и др. против Франции» от 29.04.1999. § 113. Это и другие упомянутые в статье решения Европейского суда по правам человека доступны на интернет-портале Суда по адресу www.echr.coe.int/hudoc.

⁵ См. об этом: Loucaides, L. G. Restrictions or Limitations on the Rights Guaranteed by the European Convention on Human Rights. P. 338.

⁶ Жалоба государства, напротив, может носить абстрактный характер. В частности, в ней может быть поставлен вопрос о несовместимости законодательства другого государства-участника с положениями Конвенции, в том числе если это не повлекло нарушений чьих-либо индивидуальных интересов. Предполагается, что государства – участники Конвенции могут осуществлять друг за другом «объективный надзор» в интересах воплощения в жизнь целей и принципов Совета Европы. См. подробнее: Rechten van de Mens in Mundiaal en Europees perspectief. P. 106–107.

эффективно пользоваться **всеми** правами, закрепленными в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Может показаться, что демократия превращается в некое формальное, бланкетное понятие, зависимое от понимания основных прав. В самом деле, Суд использует это понятие как принцип понимания (толкования), применения и надзора за соблюдением основных прав⁷.

Между понятиями конвенционных прав и демократии (в трактовке Суда) установилось любопытное взаимодействие. Каждое из них используется для познания другого. Но это не логическая ошибка вроде круга или определения *idem per idem*. Здесь имеет место, скорее, герменевтический круг. Оба понятия находятся в постоянном развитии, приспособляются к современным реалиям⁸, одновременно углубляются и их теоретическое понимание.

Понятие демократии нельзя механически заменить словами «эффективное пользование каждым всеми конвенционными правами», потому что оно предполагает определенную идеологию. Идеологическое наполнение играет далеко не последнюю роль не только для перечня основных прав, но и для всей практики их применения. Так, согласно статье 125 Конституции (Основного закона) СССР 1936 г., такие права, как свобода слова, печати, митингов, собраний, уличных шествий и демонстраций, гарантируются в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя. Исторический опыт позволяет нам убедиться в том, что формула «в интересах трудящихся» была не украшением, но ключом к пониманию советской системы основных прав. По-видимому, авторы Конвенции (как и конвенционные органы) стремились обеспечить в европейских странах иной – демократический – политический режим. Поэтому конвенционные права должны использоваться прежде всего в интересах демократии.

Здесь мы замечаем, что пафос смещается от эффективного пользования правами в интересах индивида в сторону обеспечения прав как гарантии демократического режима. Демократия рассматривается как предпосылка эффективного пользования правами⁹. Поэтому угроза

⁷ Немецкий правовед Э. Штиглиц говорит о демократии даже не как о принципе, а как об институциональной гарантии всех конвенционных прав в широком смысле. Stieglitz, E. Allgemeine Lehren im Grundrechtsverständnis nach der EMRK und der Grundrechtsjurisdikatur der EuGH. S. 165.

⁸ Nailbronner K. Die Einschränkung von Grundrechten in einer demokratischen Gesellschaft (zu den Schrankenvorbehalten der Europäischen Menschenrechtskonvention). SS. 359–360.

⁹ См.: Müller J. P. Grundrechte in der Demokratie.

демократии не может быть оправдана необходимостью защиты каких-либо прав. И хотя каждое право имеет самостоятельную ценность, оно вместе с тем оценивается исходя из его роли в обеспечении демократии. При этом наибольшую значимость каждое право приобретает именно в тех аспектах, в которых оно способствует функционированию демократического общества (например, право на объединение особо значимо в контексте свободы деятельности политических партий, право на свободу выражения мнения – в контексте свободы средств массовой информации). Реализация права в этих аспектах приобретает отчетливую публичную значимость, вследствие чего государству требуются особо веские причины для его ограничения¹⁰. Именно поэтому социальным правам в конвенционной системе не придается такого значения, как «классическим правам»¹¹.

Таким образом, с одной стороны, целью демократии является эффективное пользование конвенционными правами, с другой стороны, целью Конвенции является обеспечение демократического режима. Это парадоксальное, на первый взгляд, соотношение обусловлено двойственным значением конвенционных прав. Реализация этих прав является одновременно и индивидуальным, и общественным (публичным) интересом. Именно таким пониманием демократии и конвенционных прав можно обосновать основные подходы Суда к применению Конвенции.

Из принципа эффективного пользования всеми правами, закрепленными в Конвенции, вытекает требование целостного понимания этого документа¹². Это требование означает, что ни одно конвенционное право не должно пониматься отдельно от других положений Конвенции. Каждое положение Конвенции должно применяться так, чтобы это не наносило ущерба другим ее положениям и не шло в разрез с общим духом Конвенции как инструмента обеспечения демократии. Демократия – это не диктатура большинства, она предполагает достижение определенного баланса признанных в обществе частных и публичных

¹⁰ См.: Решение по делу «Гудвин (Goodwin) против Соединенного Королевства» от 22.02.1996. § 45.

¹¹ Значение социальных прав для человека не умаляется, но предполагается, что существование демократического общества возможно и без обеспечения этих прав. Принятие мер социальной поддержки поощряется (и признается, в частности, основанием ограничения права собственности), но только без ущерба для демократии, на стражу которой и поставлена конвенционная система.

¹² См., в частности: Решение от 06.09.1978 по делу «Класс (Klass) и другие против ФРГ».

интересов¹³. Каких интересов? Прежде всего тех, которые в Конвенции прямо обозначены (если авторы Конвенции закрепили в ней определенное право, то из этого следует, что соответствующему интересу придается особая значимость в демократическом обществе). А также иных интересов, которые могут определяться национальными властями в соответствии с общим духом Конвенции. Конвенция обладает чертами не только целостной, но и в известной мере закрытой системы. Так, если государство допускает вмешательство в конвенционные права с целью защиты благ, которые Конвенция прямо не гарантирует, то оно должно иметь для этого неоспоримые причины¹⁴. Действительно, трудно обосновать необходимость таких мер в свободном демократическом обществе, если картина такого общества нарисована Судом при помощи исключительно «конвенционной» палитры.

Неотъемлемой чертой демократии является признание и уважение легитимных интересов меньшинства. На основе этого представления Суд выводит из Конвенции, понимаемой в целом, такие прямо не предусмотренные в ней ценности, как терпимость¹⁵ и плюрализм¹⁶. Эти ценности также следует учитывать при применении Конвенции.

Важно понимать, что сама по себе Конвенция не устанавливает баланса легитимных интересов в демократическом обществе. Она позволяет выявить подлежащие признанию, уважению и защите интересы, а также содержит требование обеспечения их справедливого баланса. Это основополагающее требование адресовано государствам – участникам Конвенции, которые в каждом конкретном случае обязаны должным образом учесть все затронутые конвенционные интересы¹⁷. Государства могут применять для этого различные меры (включая создание законодательных установлений, деятельность исполнительной власти и правосудия). Суд, в свою очередь, по обращениям заинтересованных лиц надзирает за надлежащим исполнением государствами-участниками данной обязанности.

¹³ Решение по делу «Янг (Young), Джеймс (James) и Вебстер (Webster) против Соединенного Королевства» от 18.08.1981. § 63.

¹⁴ Решение по делу «Шассанью и др. против Франции». § 113.

¹⁵ См., в частности: Решение от 07.12.1976 по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства».

¹⁶ См.: Решение от 24.11.1993 по делу «Информационсфэрайн Лентиа» и др. против Австрии».

¹⁷ См. подробнее: Berka W. Die Gesetzvorbehalte der Europäischen Menschenrechtskonvention.

Если конкретизировать принцип эффективного пользования каждым всеми правами, гарантированными Конвенцией, то можно сформулировать требование, согласно которому при толковании Конвенции должна учитываться ее основная цель: обеспечить каждому в конкретном случае эффективную защиту от **произвольного** вмешательства государства в признанные в демократическом обществе интересы. Применение Конвенции должно давать конкретный результат – защиту индивидуальных интересов и защиту демократии в целом. Очевидно, что в разных социальных условиях для достижения этой цели требуются не только различные меры, но и различное понимание самих конвенционных прав. Этим, в известной мере, обусловлен приоритет духа Конвенции перед буквой Конвенции. Суд исходит из широкого понимания конвенционных прав и обеспечивает их эволюционное толкование. Поэтому в аргументации многих решений Суда используется преюдиция, согласно которой Конвенция – это живой инструмент¹⁸, она призвана гарантировать реальные и эффективные, а не теоретические и иллюзорные права¹⁹ и должна толковаться в соответствии с реалиями сегодняшнего дня²⁰.

Суд указывает, что есть объективно-определенные правовые блага, как например, доступ к правосудию, и «субъективные», национально-определяемые, например религия и мораль²¹. Это, конечно, не означает, что Конвенция не имеет своего четкого языка и в каждой стране ее читают по-разному. В таком случае она бы потеряла свое нормативное значение и не могла бы рассматриваться как эффективный инструмент защиты демократии и индивидуальных интересов²². Язык Конвенции единый, но в разных условиях одни и те же меры могут быть необходимыми или факультативными для защиты конвенционных благ; одни и те же действия могут представлять собой более или менее серьезное вмешательство в осуществление конвенционных прав. Например, в Австрии, где подавляющее большинство населения – католики, демонстрация эротического фильма с участием христианских святых

¹⁸ Stieglitz E. Op. cit. SS. 182–183.

¹⁹ См., например: Решение от 09.11.1979 по делу «Эри (Airey) против Ирландии», § 24; Решение от 13.05.1980 по делу «Атрико (Atrico) против Италии», 33.

²⁰ Решение по делу «Тайпер (Tuger) против Соединенного Королевства» от 25.04.1978. § 31.

²¹ Stieglitz E. Op. cit. S. 76.

²² См. среди прочих: Решение по делу «Объединенная коммунистическая партия Турции против Турции» от 30.01.1998. § 33.

будет оценена как более серьезное вмешательство в осуществление свободы совести, чем публикация карикатур на почитаемого мусульманами пророка в плюралистической с религиозной точки зрения Дании.

В современных условиях нельзя воспринимать Конвенцию только как средство ограждения индивида от произвола государства (хотя этой ее основной задачи никто не умаляет). Во многих случаях пользование конвенционными правами может быть эффективным только при признании позитивных обязанностей государства²³. Суд признает наличие таких обязанностей не только в тех очевидных случаях, когда право по своей сути предполагает осуществление государством определенных мероприятий (как, например, право на справедливое судебное разбирательство и право на предоставление эффективных средств защиты конвенционных прав, закрепленные в статьях 6 и 13 Конвенции). Также в тех случаях, когда в Конвенции используется термин «уважение» (например, уважение частной жизни в статье 8), Суд приходит к выводу, что из соответствующих положений вытекают положительные обязанности государства. По мнению Суда, уважение не может не предполагать определенных активных действий²⁴. Однако в практике Суда такие положительные обязанности государства сводятся в основном к охранительным мерам²⁵.

Приведенные подходы Суда, вытекающие из понимания Конвенции как инструмента обеспечения демократии, могут показаться несколько абстрактными. Однако на их основе возникла детально разработанная система критериев правомерности вмешательства государства в конвенционные права. Часть этих критериев является единой для всех основных прав, другие же применимы к той или иной группе прав. Связано это с тем, что Конвенция допускает для разных видов прав различную интенсивность вмешательства. Есть такие права, вмешательство в осуществление которых недопустимо в принципе (например, существует абсолютный запрет пыток)²⁶. Однако очевидно, что запрет пыток – это не самостоятельное право, а одна из гарантий права на неприкосновенность личности и на уважение ее достоинства. Вмешательство в это

²³ См., например: Решение по делу «Х и У против Нидерландов» от 26.03.1985. § 23.

²⁴ Решение по делу «Кампбелл (Campbell) и Козанс (Cosans) против Соединенного Королевства» от 25.02.1982. § 37.

²⁵ См.: Решение по делу «Платформа «Врачи за жизнь» (Plattform “Ärzte fuer das Leben”) против Австрии» от 21.06.1990. §§ 32–34.

²⁶ См., в частности: Решение по делу «D. против Соединенного Королевства» (1997 г.). § 47.

последнее право, в принципе, допустимо, но оно имеет пределы, которые и обозначены, в частности, запретом пыток.

Целями настоящей статьи не охватывается подробный анализ критериев правомерности вмешательства в конвенционные права, тем более что практика Суда по этому вопросу неоднократно обобщалась²⁷. Для нас эти критерии важны лишь постольку, поскольку они позволяют сделать выводы о сущности и структуре основных прав в понимании Суда. Для этих целей отметим следующие принципиальные моменты.

Несмотря на то что Конвенция должна пониматься и применяться в целом, Суд рассматривает жалобы на нарушение конкретных гарантированных ею прав. По индивидуальным жалобам, которых подавляющее большинство (и на основе рассмотрения которых Суд сформировал свою догматику основных прав), Суд может установить наличие нарушений, если будет затронут интерес, соответствующий праву, к которому апеллирует заявитель. Действительно, в силу Конвенции каждый подпадающий под юрисдикцию государства-участника, признается заинтересованным в пользовании определенными социальными благами. Причем социальное благо понимается здесь в широком смысле, включая свободу действия или бездействия. Для того чтобы очертить круг благ, в котором носитель права признается заинтересованным, используется понятие «защитная сфера права». На первом этапе рассмотрения жалобы Суд устанавливает, затронут ли интерес заявителя в пользовании конвенционными благами, иначе говоря, охватываются ли интересы заявителя, которые он отстаивает в Суде, защитной сферой упомянутого им положения конвенции.

В случае положительного ответа на этот вопрос Суд рассматривает следующий вопрос: имело ли место вмешательство в основное право. Необходимо обратить внимание на то, что Суд рассматривает жалобы на государства, поэтому в данном случае речь идет о вмешательстве именно со стороны государства. Под вмешательством можно понимать любые меры, за которые ответственно государство, препятствующие пользованию благами, в которых заинтересован носитель основных прав. Государство ответственно за вмешательство в том случае, если пользование гарантированными Конвенцией благами затруднено вследствие отступления государства от своих обязанностей, вытекающих из Конвенции.

²⁷ См., например: Абашидзе А.А. Алисиевич Е.С. Право Совета Европы. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. М., 2007; Stieglitz E. Op. cit. и др.

Формы вмешательства могут быть различными и зависят от того, какого рода обязанности лежат на государстве. Очевидно, что вмешательством могут быть прямые меры государства (такие как установление обязанностей и запретов), в результате которых затрудняется пользование благами, охватываемыми защитной сферой соответствующего права. Например, obligation to abstain от вступления в какое-либо объединение является вмешательством в осуществление права на объединение²⁸. Но возможны и другие варианты. Так, если государство обязано защищать право на жизнь, то допущение возможности лишения лица жизни против его воли само по себе является вмешательством в право на жизнь²⁹. В любом случае, когда государство обязано обеспечить уважение и защиту права, но выполнило эту обязанность ненадлежащим образом, оно будет ответственным за причиненные этим нарушением ущемления интересов. В частности, если законодательство допускает действия третьих лиц, препятствующие пользованию гарантированными Конвенцией благами, то также можно говорить о вмешательстве.

То обстоятельство, что государство ответственно за вмешательство, само по себе не означает, что имеет место нарушение Конвенции. Вмешательство может быть правомерным и неправомерным (то есть нарушением). Иными словами, возможна ситуация, когда носитель основного права не может пользоваться благами, в которых Конвенция признает его заинтересованным, и не имеет возможности защитить свой интерес. Отсюда можно сделать важный вывод: защитная сфера основного права шире, чем реально обеспеченная им защита. Одновременно мы приходим к заключению, что обязанности государства, вытекающие из Конвенции, не являются абсолютными. В определенных случаях, когда государство отступает от этих обязанностей, оно все же действует правомерно.

Правомерным вмешательство в право является тогда, когда оно соответствует выработанным Судом на основе Конвенции критериям правомерности. По общему правилу, оспариваемое поведение государства будет правомерным, если соблюдаются формальный и материальный критерии. Формальный критерий предполагает, что вмешательство должно быть предусмотрено законом. Однако понятие закона

²⁸ Решение по делу «Шассанью и др. против Франции».

²⁹ Решение по делу «Претти (Pretty) против Соединенного Королевства» от 29.04.2002. §§ 72–74.

не формализовано. Законом Суд признает предписание действующего права, которое:

- достаточно определено, чтобы затронутые лица имели возможность предвидеть последствия его применения);
- содержит четкие критерии вмешательства, чтобы исключить произвол органов и лиц, его применяющих;
- предполагает процедуру применения, обеспечивающую должный учет конвенционных интересов затронутого лица³⁰.

Закон в таком понимании не должен, однако, стремиться четко урегулировать все возможные на практике ситуации: это нецелесообразно и даже невозможно. Напротив, в некоторых случаях определенная гибкость законодательства даже желательна для надлежащего учета конвенционных интересов, так как право не может в принципе предусмотреть все частности³¹.

Материальные критерии правомерности мер, составляющих вмешательство в основное право, предполагают, что эти меры

- направлены на достижение легитимной (то есть предусмотренной Конвенцией или хотя бы совместимой с ней) цели;
- соответствуют этой цели (реально способствуют ее достижению);
- являются необходимыми в свободном демократическом обществе.

Этот последний критерий наиболее важен для понимания сущности основных прав. Он прямо упоминается в статьях 8–11 Конвенции, но, согласно устоявшейся практике Суда, применяется и к другим правам. Нельзя не заметить односторонность этой формулировки: ситуация рассматривается с точки зрения одного ограничиваемого права. В действительности применяется этот критерий как раз в тех случаях, когда налицо коллизия защищаемых Конвенцией интересов, иначе поднимать вопрос об ограничении прав было бы вообще неоправданно. В простейшем случае таких сталкивающихся интересов два. Обозначим их как И1 и И2. Перед нами стоит вопрос: ограничить ли интерес И1 в обеспечение интереса И2? Если такое ограничение предпринимается, то оно должно быть необходимым, говорит нам Конвенция. Однако если мы воздерживаемся от ограничения И1, то мы ограничиваем

³⁰ См. также: Weiß R. *Das Gesetz im Sinne der Europäischen Menschenrechtskonvention*. Berlin, 1996; Cohen-Jonathan G. *Aspects européens des droits fondamentaux*. Paris, 1996. P. 469.

³¹ Решение по делу «Толстой-Милославский (Tolstoy-Miloslavsky) против Соединенного Королевства» от 13.07.1995. § 37.

интерес И2, так как не предпринимаем мер к его защите, которые могли бы принять. И такое ограничение интереса И2 также должно быть правомерным, в частности необходимым³².

Становится очевидным, что конвенционный критерий необходимости ограничения в свободном демократическом обществе подразумевает установление баланса между всеми затронутыми интересами³³. И хотя одному праву может придаваться большая значимость, чем другому, абсолютных приоритетов в конвенционной системе не существует. Если в конкретной ситуации необходимо сделать выбор между двумя или более конфликтующими интересами, то этот выбор зависит от всех относящихся к этой ситуации фактических и юридических обстоятельств. Один интерес получает перед другим преимущество, но это преимущество является условным, поскольку оно установлено только применительно к фактическим и юридическим условиям данного конкретного дела. Судом принимаются во внимание все обстоятельства (включая и законодательные установления, действующие в ответственном государстве), позволяющие оценить, в какой степени при выборе той или иной меры заинтересованные лица лишаются возможности эффективно пользоваться соответствующими благами³⁴.

В итоге из весьма ограниченного (и в известной мере замкнутого) перечня демократических ценностей, закрепленных в Конвенции, рождается развернутая и труднообозримая даже для специалистов система конкретных предписаний применительно к разнообразным ситуациям. Эти предписания основаны на Конвенции, но не вытекают из нее непосредственно. Они являются результатом оценки всего многообразия реальных обстоятельств и юридических норм на предмет соответствия Конвенции. Круг относящихся к делу обстоятельств, а тем более варианты их совпадения не могут быть определены заранее. Поэтому, разрешая дело, аналогичное рассмотренному ранее, Суд всегда может

³² Примечательно, что все интересы, конфликтующие с интересом заявителя, защищаются Судом абстрактно (то есть для перевеса в пользу этих интересов не требуется установление реального вмешательства в конкретные интересы конкретного лица).

³³ Macdonald R. St.J. The Margin of Appreciation in the Jurisprudence of the European Court of Human Rights. PP. 187, 195.

³⁴ Ress G. Die "Einzelfallbezogenheit" in der Rechtsprechung des Europäischen Gerichtshofs für Menschenrechte. SS. 719, 724. Так, проверяя правомерность установления высокого проходного барьера на парламентских выборах, Суд исследовал избирательную статистику нескольких предшествующих выборов. См. упомянутое Решение по делу «Объединенная коммунистическая партия Турции». § 33.

найти какие-то новые обстоятельства, которые позволят обосновать предпочтение другого интереса.

Проведенный анализ позволяет нам прийти к заключению, что каждое гарантированное Конвенцией право может пониматься и применяться как абстрактная ценность – элемент демократии, как объективная (нормативная) обязанность государства и как субъективное право.

В качестве **абстрактной ценности** конвенционное право фиксирует определенный индивидуальный (и одновременно публичный) интерес и придает его обеспечению особую значимость в свободном демократическом обществе. Ценность может восприниматься отвлеченно от обязанного лица и от заинтересованного лица и служит критерием оценки всей правовой действительности (законодательных установлений, мер индивидуального воздействия, иных юридических актов и юридических поступков) в государствах – участниках Конвенции. Если применительно к конкретной ситуации на основе разных ценностей могут быть сформулированы несовместимые друг с другом требования, то одной из ценностей отдается условное предпочтение.

Рассматривая конвенционное право как **объективную обязанность государства**, мы предполагаем конкретизацию обязанного лица (то есть государства). Соответствующее положение Конвенции является достаточным основанием для такой обязанности, установления конкретных заинтересованных лиц не требуется. Невыполнение государством своих обязанностей будет неправомерным в любом случае, независимо от того, были ли нарушены чьи-либо охраняемые Конвенцией интересы. Суть обязанности государства можно описать следующим образом:

- политика государства должна быть направлена на обеспечение свободного демократического общества, в котором соблюдается справедливый баланс различных интересов, должный учет интересов меньшинства;

- государство не может произвольно вмешиваться в осуществление основных прав и обязано обеспечить эффективное пользование благами, гарантированными Конвенцией (как в обществе в целом, так и для каждого в отдельности), в частности принимать меры к защите конвенционных прав от действий третьих лиц.

Наконец, отдельные лица, подпадающие под юрисдикцию государства, приобретают на основании Конвенции **субъективные (индивидуальные) права** по отношению к государству. Государство,

в свою очередь, становится обязанным не абстрактно, в силу одной лишь нормы, но в пользу конкретных лиц. Между государством и лицами, подпадающими под его юрисдикцию, возникают правоотношения. Указанные лица вправе требовать от государства должного уважения их конвенционных интересов, в том числе:

1) не допускать произвольного (не основанного на внутреннем праве, примененного в нарушение установленной процедуры и не оправданного с точки зрения Конвенции) вмешательства в пользование гарантированными Конвенцией благами;

2) обеспечить эффективное пользование конвенционными благами, в частности предоставить эффективные правовые средства защиты от посягательств самого государства и третьих лиц на охраняемые Конвенцией права, не допускать возможности нарушения прав со стороны третьих лиц в законодательстве, принять необходимые организационные меры.

Основные права задают ценностные ориентиры правовым системам всех государств – участников Конвенции. Поэтому понимание сущности основных прав, сформировавшееся в практике Суда, имеет значение не только в пределах стен страсбургского Дворца прав человека. Подход Суда к основным правам стал замечательным образцом европейской правовой мысли. Суду удалось дистанцироваться от присущей национальным правовым системам формализованности и приверженности не всегда оправданным традициям. Вдохновленный Конвенцией, он стремится не только сохранить, но и возвысить ее значение как уникального инструмента, обеспечивающего реальное и эффективное пользование правами человека.

Библиографический список

Абашидзе А.А. Алисиевич Е.С. Право Совета Европы. Конвенция о защите прав человека и основных свобод.: Учебное пособие. М.: Междунар.отношения, 2007.

Berka W. Die Gesetzvorbehalte der Europäischen Menschenrechtskonvention // Österreichische Zeitschrift für Öffentliches Recht und Völkerrecht, 1986, 71.

Cohen-Jonathan G. Aspects européens des droits fondamentaux. Paris, 1996.

Hailbronner K. Die Einschränkung von Grundrechten in einer demokratischen Gesellschaft (zu den Schrankenvorbehalten der Europäischen

Menschenrechtskonvention). // Bernhardt R. u.a. (Hrsg.). Völkerrecht als Rechtsordnung, Internationale Gerichtsbarkeit, Menschenrechte: Festschrift für Hermann Mosler. Berlin, 1983.

Loucaides, L. G. Restrictions or Limitations on the Rights Guaranteed by the European Convention on Human Rights. // The Finnish Book of International Law. 4(1993).

Macdonald R. St.J. The Margin of Appreciation in the Jurisprudence of the European Court of Human Rights. // Università di Genova, di Milano e di Roma. Le droit international à l'heure de sa codification (études de l'honneur de Roberto Ago). Milano, 1987.

Müller J. P. Grundrechte in der Demokratie. // Europäische Grundrechte-Zeitschrift, 1983, 337 (343).

Rechten van de Mens in Mundiaal en Europees perspectief / [met bijdragen van P. van Dijk ... et al.]. Nijmegen: Ars Aequi Libri, 1991.

Ress G. Die "Einzelfallbezogenheit" in der Rechtsprechung des Europäischen Gerichtshofs für Menschenrechte. // Bernhard u.a. (Hrsg.).

Stieglitz, E. Allgemeine Lehren im Grundrechtsverständnis nach der EMRK und der Grundrechtsjudikatur der EuGH. Zur Nutzbarmachung konventionsrechtlicher Grundrechtsdogmatik im Bereich der Gemeinschaftsgrundrechte. Baden-Baden, 2002.

The European Court of Human Rights. Some Facts and Figures. 1959 – 2009. Provisional edition (April 2009). Strasbourg: ECHR, 2009.

Weiß R. Das Gesetz im Sinne der Europäischen Menschenrechtskonvention. Berlin, 1996.

The General Concept of Fundamental Rights in the Jurisprudence of the European Court of Human Rights (Summary)

*Kyrill A. Ryvkin**

The analysis of the European Court of Human Rights' decisions shows a well-established concept of the essence of the rights listed in the European Convention on Human Rights. The Court is inspired by the idea of a free democratic society, which is transferred into the principle of the effective enjoyment of all the conventional rights by everyone. It constantly recalls that it is for the contracting states to strike a fair balance between the individual interests and the public interest in promotion of democracy. Doing so, under certain circumstances they may take measures constituting interference with the interests safeguarded by the Convention. The research of the European Court's jurisprudence allows us to characterize both the functions of the conventional provisions in the national legal systems and the state's obligations and rights of private persons derived from these provisions.

Keywords: fundamental rights, European Court of Human Rights, European Convention on Human Rights, democracy, fair balance between the interests.

* Kyrill A. Ryvkin – post-graduate student of the Chair of Constitutional Law, MGIMO-University MFA Russia; President of the legal company ULEX ltd. k_ryvkin@mail.ru.